

А.П. Богданов
В тени великого Петра

ПРАВЛЕНИЕ ЦАРЕВНЫ СОФЬИ

Легенда о временах Софьи Алексеевны

Российская история легендарна в прямом смысле. Исторические легенды веками формировались по заказу Власти — и всеми средствами вбивались в головы подданных. Представления о временах царевны Софьи — яркий пример трехвековой преемственности государственной исторической пропаганды.

Разумеется, механизм замены подлинной истории лубочной картинкой или политическим плакатом непрост. Среди историков было немало правдоискателей, открывавших ту или иную страницу запечатанной в архивах истины. Множество важных документов и материалов, правдивых исследований опубликовано, немалая часть лжи опровергнута — но это никак не сказывается на исторической пропаганде, с замечательным цинизмом «не замечающей» истины и продолжающей тиражировать отвергнутые наукой представления.

Воздействие приятной Власти легенды на общественное сознание касается и художников, усиливающих ее своими бессмертными творениями. Страшная и гадкая царевна Софья и всепобеждающий реформатор Петр (естественно — Великий) на картинах **Валентина Серова** — результат длинной серии искажений в изобразительном искусстве, целенаправленно придававших облику Софьи отвратительность, а Петра — возвышенность.

«Хованщина» Модеста Мусоргского — произведение настолько великое, что лишь большими усилиями постановщиков «вписывается» в установленную легенду. Не случайно композитор подчеркнуто смешал в опере разновременные события, как бы говоря о незначительности использованной им легенды для существа могучей музыкальной драмы. Но зритель не может не отметить, что уступка композитора властям — в сцене с выскакивающим в конце как черт из бутылки, Петром — до смешного раздута в классической постановке **Кировского театра**, обычно отличающегося вниманием и тактом к авторскому замыслу.

Софья и «старая московская Русь» в романе Алексея Толстого «Петр I», противопоставленные «обновляемой России» Преобразователя и его «птенцов» — пожалуй, лучшее выражение государственной легенды. Хотя в этом (и во многих других) случае талант был куплен и оплачен, писатель не создал принципиально новой картины, лишь блестяще воплотив созданные задолго до него представления, которые и поныне искренне отстаивают многие замороженные Властью историки.

«Но легенда о «старой Руси» и «новой России», царе-реформаторе и его врагах-реакционерах бытовала не только в официальной литературе! — воскликнет читатель. — А как же столь славно начинавшие спор с протеста против существующего строя западники и славянофилы?!» Здесь нет противоречия.

Софья и Петр давно стали символами для обозначения революционного переворота. Петровская «революция сверху» иллюстрировала тезис, что только Власть есть творческая сила в обществе. «Европеизация» тешила западников, прощавших прорубавшему «окно в Европу» монарху «издержки» в сотни тысяч загубленных жизней. Петровская политика закрепощения и террора позволяла славянофилам рисовать идиллические картинки дореформенной Руси — наподобие модных сейчас представлений о чудесной жизни в Российской империи до 1917 г.

Только изменение отношения к революционным преобразованиям в целом делает для общественного сознания доступной истину о тех процессах, что происходили в России в последней четверти XVII в. — ровно триста лет назад. Именно тогда просветитель и соученик царевны Софьи Алексеевны Сильвестр Медведев высказал мысль о том, что общество без знания истории — как человек без памяти; только правдивую историю «великие люди» не очень-то любят, а объективные писатели испокон веков сильно рискуют.¹ Действительно, автор «Созерцания краткого», «Известия истинного» и других правдивых книг был обвинен в том, что, отстаивая право каждого человека «рассуждать», он хочет «попрать всю власть» — и окончил жизнь на Лобном месте.²

Дерзнувший предложить обществу собственное представление России, историк, публицист, поэт, богослов и композитор **Игнатий Римский-Корсаков**, митрополит Сибирский и Тобольский, стал на рубеже XVII и XVIII вв. первым известным писателем, объявленным в России сумасшедшим (и незамедлительно уморенным в темнице). А в нашем прогрессивном веке правдивая рукопись книги академика М. М. Богословского: «Петр I. Материалы для биографии» была искромсана цензурой, оберегавшей читателя от правдиво изложенных фактов биографии **«Отца Отечества»**.³

Лишь на исходе третьего столетия нам позволительно приоткрыть зажмуренные в испуге глаза и попробовать рассмотреть драматические события истории, связанные с царевной Софьей и ее современниками, отталкиваясь от того, что уже хорошо усвоено —

---

¹Сильвестра Медведева «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве» / Публ. А. А. Прозоровского // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1894. Кн. 2. Отд. 2. С. 1–197; новое изд. см.: Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей / Публ. А. П. Богданова. М., 1990. С 45–200.

²Прозоровский А. А. Сильвестр Медведев (Его жизнь и деятельность). СПб., 1896. Новые факты см.: Богданов А. П. Сильвестр Медведев. Вопросы истории. 1988. № 2.

³Об Игнатии и его коллегах подробнее см.: Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...»: Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М., 1988; Богданов А. П. Творческое наследие Игнатия Римского-Корсакова // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1993. Вып. 6; и мн. др. Подлинник полного текста исследования академика М. М. Богословского хранится в Архиве Российской Академии наук.

от легенды о Великом Преобразователе.

Допетровская Россия долго виделась отсталой патриархальной страной, покрытой «мраком невежества», отгороженной от культурной Европы традиционным недоверием к иноземцам. Жизнь в ней текла сонно, среди событий особенно заметны воссоединение России с Украиной, церковный конфликт Никона и Аввакума, издание нескольких книг Печатным двором и тщетные попытки завести училища. Диссонансом воспринимаются хорошо известные восстание Степана Разина, Медный и Соляной бунты, но усилиями советских историков и писателей они нашли свое место в картине беспросветной эксплуатации трудового народа, которому не оставалось другого выхода, кроме как безнадежно бунтовать.

Советский человек с легкостью верил, что «трудящимся» чуть не со времен Киевской Руси жилось все хуже и хуже, не задаваясь вопросом, почему же в таком случае неуклонно увеличивалось население России, заново заселяя страну после Великого разорения Ивана Грозного, гражданской войны начала XVII в. (Смуты) и опустошавших государство эпидемий чумы, холеры и оспы.

Промышленников до Петра, считается, не было, но купцы чем-то там приторговывали. Дворянство эксплуатировало крестьян, а чем оно еще занималось — неясно, разве что служило в допотопном ополчении. Невежественные бояре проводили время на пирах и, «уставя бороды», томились в огромных меховых шапках и шубах в царской Думе — высшем законодательном и административном органе при государе-царе. «Цари-батюшки» единообразны и различаются только степенью кровожадности. Впрочем, в последние годы их фигуры воспринимаются все более восторженно и утопают в золотом тумане корон, скипетров и держав. Атрибутом царской власти воспринимаются рынды в белых платьях с секирами в руках, золотыми цепями на груди и с высокими цилиндрическими шапками на головах.

Остаются еще монахи и осанистые попы — в недавнем прошлом кровососы-эксплуататоры, а по нынешним представлениям — единственные носители духовной культуры и организаторы культурных процессов: переписывания книг, иконописания, колокольного литья, каменного зодчества и прочих допетровских интеллектуальных занятий.

Выросшая в теремном заточении при консервативном, византийского типа царском дворе, царевна Софья Алексеевна могла быть только такой, какой представляет ее читатель романа «Петр I»: хитрой властолюбивой, цепко и хищно ухватившей полными руками возможность ценою Стрелецкого бунта отобрать власть у своего талантливой и многообещающего брата Петра Алексеевича.

Стрельцы — это древнее небоеспособное войско, погрязшее в самовольстве и совершенно лишенное дисциплины — еще с начала XVIII в. они изображались как «янычары». Лишенные понятия о государственной пользе, они, естественно, служили удобным орудием для придворных интриганов, покупавших за деньги и другие подачки помощь стрельцов для убийств и низвержений законных правителей.

Никакими делами, кроме открытия в Москве Славяно-греко-латинской академии и неудачных Крымских походов, правление царевны Софьи не ознаменовалось. Культурные нововведения — например, новый архитектурный стиль — связываются с именами родственников Петра Нарышкиных. Считается, что лишь при петровском дворе в Преображенском и Семеновском селах под Москвой в ходе обучения Великого Преобразователя и его военных игр рождались ростки нового. Да и что могло сделать реакционное правительство Софьи с ее глупыми боярами? Лишь отдельные люди понимали, в какой глубокой отсталости находится страна и выступали «предшественниками» великого Петра в попытках реформировать Россию по образу и подобию Запада. Монастырская школа Ртищева, псковские экономические реформы Ордина-Нащокина, переводческая деятельность Посольского приказа при известном

дипломате канцлере Артамоне Сергеевиче Матвееве — вот скудные ростки в пустыне, которую Петр превратил потом в цветущий сад.

Князь Василий Васильевич Голицын, самый известный член правительства Софьи, знаменит главным образом как любовник царевны. Даже знаменитый историк В. О. Ключевский, задумавший похвалить князя как «прямого продолжателя Ордина-Нащокина» и «предшественника Петра», считал Голицына идеалистом, уходящим в своих мечтах от действительности.

Естественна неясность очертаний фигур «предшественников», в отличие от «врагов преобразований» (Софья, злые бояре, буйные стрельцы). Ведь предпетровское время — это лишь темный фон, на котором лучше сияет сказка о Преобразователе. Только что ничего не было — и вдруг вышагивают в европейской форме Преображенский и Семеновский полки, за которыми тянется всепобеждающая русская регулярная армия.

«Гром победы, раздавайся!» витает над новым с иголки военно-морским флотом, зародившемся в 1695–1696 гг. на воронежских верфях и впервые «промышлявшем» в Азовском море. Длинные бороды и подолы безжалостно обрезаны преобразовательскими ножницами — и вот уже блистают петровские ассамблеи с танцами и, соответственно, прекрасными дамами в нарядах по европейской моде.

Петр проводит «индустриализацию» страны, строит заводы на Урале, да не какие-нибудь, а металлургические. Страна покрывается мануфактурами, через «окно в Европу» плывет заморская торговля, «все флаги в гости» едут к нам. Крестьян, правда, все еще эксплуатируют крепостники, зато дворяне получают образование и становятся нужными для крепнущего государства — теперь все поголовно служат для пользы страны.

Науки, искусство и литература процветают, насаждаются училища, иноземцы просвещают диких москвитов. Последние сопротивляются, но постепенно сдаются под грозной дубиной Петра, который и сына не жалеет в стремлении искоренить темную старину. Одновременно насаждается царем свободомыслие и «падают оковы» религиозности (последний шаг ныне не одобряется).

Царство сменяется империей — и Россия, став вдруг великой державой, прославленной военными победами над самим Карлом XII, распространяет свое дипломатическое влияние на весь цивилизованный мир. Начинаются научные экспедиции — и «русские немцы» увековечивают приоритет новой родины множеством открытий.

Застарелая и неповоротливая Боярская дума заменяется самым современным Сенатом, допотопные приказы — коллегиями, воеводы и дьяки — губернаторами, прокурорами и фискалами. Всюду новые люди: в правительстве, окружении Петра, промышленности, армии, науке. Господствуют новые прогрессивные идеи «общего блага» и «государственной пользы», таланты «из низов» получают заслуженные ими посты. После веков застоя начинается героический период истории.

Все это — легенда. Действительная картина столь разительно отличается от описанного, что кажется, будто легенда стерла с карты мира целую страну — с ее богатствами, культурой, людьми и драматическими конфликтами, с одного из которых начался путь к власти царевны Софьи Алексеевны<...>

Правительство общественного компромисса

Восстание не дало царевне Софье формальных признаков власти. Большинство при дворе составляли сторонники Петра, и даже придворные панегиристы не спешили поздравить Софью с титулом правительницы. Но самые злые ее враги понимали, что только царевна и ее сподвижники, в первую очередь Голицын и Шакловитый, способны шаг за шагом разрядить мину, которую подложило под себя феодальное государство, **вооружив и обучив военному делу горожан.**

Действительно, Шакловитый, ставший во главе Стрелецкого приказа, предложил правительству долгосрочную программу «перебора» регулярных полков, включающую их рассредоточение, постепенное исключение взрывоопасных элементов, разделение привилегиями, недопущение скопления «критической массы» недовольных и т.п. Потребовались годы, чтобы опасность нового восстания была сведена к минимуму.

Правительству феодального государства пришлось считаться с интересами торгово-промышленного населения, располагавшего крупными капиталами и целой армией работных людей. Стратегическое значение для развития страны имели не только казенные заводы и мануфактуры в Москве, крупные промышленные предприятия в Туле, Олонце и на Урале, металлургические заводы и горные промыслы, быстро разросшиеся с 1620-х гг. (а не с петровского времени, как часто считают).

Подавляющую часть сырьевых и промышленных товаров создавали мелкие производители: городские ремесленные люди и крестьяне, составлявшие сильную конкуренцию «указным» крепостническим заводам и мануфактурам даже в 1720–1740-е гг., несмотря на энергичные истребительные меры Петра и его преемников: уничтожавшиеся сотнями домницы, оружейные кузницы, ткацкие промыслы все равно производили железо, металлические изделия и полотна дешевле и лучшего качества, чем «настоящие фабриканты», подконтрольные военно-полицейской машине.⁴

Промышленные (например, солеваренные) районы, имея центры не только в городах, но и в торгово-промышленных селах, таких как Лысково, Мурашкино, Иваново, Спасское, были связаны транспортной инфраструктурой и торговыми капиталами, в которых помимо духовных и светских феодалов, «именитых людей» и крупных купцов (типа **Строгановых и Гурьевых**) все более значительную роль играли крестьяне (Калмыковы, Глотовы, Федотовы-Гусельники, Осколковы, Шангины и др.), владевшие сотнями тяжелогрузных судов.

Эффективность сложившейся хозяйственной системы проявилась, например, в огромном размахе каменного строительства во время правления царя Федора и Софьи. Только прямой вывоз русских товаров за рубеж через Архангельский порт в середине века по стоимости превысил миллион рублей в год (эта цифра составляет более 18 млн. по золотому курсу начала XX в.). Колоссальный доход давала торговля России с Востоком (в Астрахани одной пошлины собиралось более тысячи золотых в день), не считая выгод европейско-азиатского транзита через территорию России (закрепленного за русским купечеством).

Не имевшие иного политического голоса, кроме бунта (ибо Земские соборы давно превратились в фикцию), торгово-промышленные круги были связаны с правительством узким слоем лиц, входивших в привилегированные корпорации гостей, Гостиновую, Суконную и Кадашевскую сотни и т. п. Для радикальной защиты строя их можно было лишь уничтожить (например, конфискацией капиталов, вывозом работных людей и карательными походами), заменив промышленниками-крепостниками, подконтрольными бюрократическим структурам (Берг-, Мануфактур-, Коммерц- и прочим коллегиям).

Такая акция, хотя и позволяла расширить экспорт по демпинговым ценам (и только сырья), неизбежно вела к кризису (который и грянул впоследствии) из-за отставания производительности рабского труда от западного вольнонаемного. Она означала также разгром экономики, на который Софья и ее советники не могли пойти уже в силу особенностей воспитания.

Но главное — царевна при всем желании не смогла бы принять радикальных мер спасения феодального государства, не потеряв власть еще до того, как произошел бы

---

⁴Любопытные факты социально-экономической истории см.: Автократова М. И., Буганов В. И. Сокровищница документов прошлого. М., 1986. С. 135–170.

социальный взрыв. Софья умиротворяла торгово-промышленное, прежде всего городское и сельское государственное (а не крепостное) население, следуя привитой ей Симеоном Полоцким органической теории «порядка» в отношениях между частями «государственного тела»: головой-правительством и местной администрацией, производительными руками, ногами и т. п. «Не возможно иметь мирствовать многое множество людей, не возмев в судах правосудства» — указывал царевне Сильвестр Медведев. И Софья действительно, вслед за царем Федором, сосредоточила внимание на контроле за правосудием и искоренении должностных злоупотреблений, продолжила практику передачи управленческих функций (особенно финансовых) выборным людям.

Очевидное значение имело утверждение единых по России мер и весов (1686), разработка «новоприбавочных статей» о разбойных и татиных (воровских) делах к Соборному уложению 1649 г., издание Новоторговых уставных статей (1687) и дополнений к **Новоторговому уставу** (1689), утверждение государственного тарифа на ямские перевозки (1688). Софья и ее сподвижники реально совершенствовали систему законов по защите имущественных прав подданных. Правительству одной из мощнейших в экономическом отношении держав было совершенно ясно стратегическое значение экспорта: еще в 1630-е гг. одними лицензиями на экспорт хлеба Россия финансировала участие в европейской войне Швеции.⁵ Но канцлер Василий Голицын, прекрасно разбиравшийся в технике (и одно время руководивший Пушечным двором), не спешил «рубить окно» в технологически передовую Западную Европу и превращать Россию в ее сырьевой придаток.

Прибирая к рукам государственный аппарат, Голицын уделял особое внимание качеству приглашаемых в Россию западных специалистов, причем даже зарубежные гости отмечали, что «новые» иностранцы значительно компетентнее «старых». Внедрение новых технологий и знаний (начиная, по обыкновению, с военных) и повышение конкурентоспособности русской промышленности сделало бы со временем актуальным прорыв на Балтику, к которому чуть ли не все столетие призывали Россию западные страны.⁶

Голицын и сама Софья, активно участвовавшая во внешнеполитических делах, поддерживали переговоры о франко-датско-бранденбургско-русском союзе против Швеции, но в конечном итоге использовали их для давления на шведскую дипломатию и продления мира с откладыванием спорных вопросов на будущее. Было ясно, что западные партнеры склонны переложить основную тяжесть предстоящих военных действий на Россию (как это и произошло в Северную войну): ее взаимное со Швецией истощение было лишь на руку Парижу, Копенгагену и Бранденбургу.

Но над возведенным Голицыным **новым зданием Посольского приказа** недаром был повешен глобус. Отлично налаженная дипломатическая и разведывательная служба позволяла правильно ориентироваться в делах Европы и значительной части Азии, сводки о последних событиях регулярно ложились на стол Софьи и, в сокращенном виде, зачитывались в Думе. Из замыслов иностранных дипломатов, решивших поучить московитов «европейской конъюнктуре», извлекалась польза для России. Заключив выгодные договоры с Данией и Швецией, укрепив контакты на уровне великих и полномочных послов с Францией, Англией, Голландией, Испанией, Священной Римской империей германской нации, папским престолом,

---

⁵ Поршневу Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976; и др.

⁶ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб., 1893–1894. Т. 1–2; и др.

мелкими государствами Германии и Италии, правительство Софьи и Голицына обеспечило себе условия для активизации политики на юго-западе, где лежали огромные земли **Дикого поля**, Крым, Балканы (откуда неслись просьбы об освобождении от турок), Константинополь и проливы, открывающие удобнейший путь на Ближний Восток.

Защищая русскую промышленность **меркантилистскими мерами** с Запада, открыть ей огромный рынок слабо развитого Востока — такой путь мог изменить всю историю России. Но Софью, и особенно Голицына, не следует считать ни праздными мечтателями, ни ставленниками торгово-промышленных кругов. Прежде всего, сразу за чертой пограничных укреплений — «засечных черт» — они видели земли, которых требовало дворянство, заглотившее огромные пожалования за **«троицкую службу»** 1682 г. и ждавшее новых поместных раздач.

Пограничье впитывало в себя массы беглых крепостных, а правительство десятилетиями не могло их вернуть владельцам и по необходимости верстало беглецов в военную службу на местах, узаконивая их освобождение от помещиков. Потому крымская опасность торчала занозой в сердцах душевладельцев. Мероприятия Софьи и Голицына по укреплению положения дворянства, такие как работа созданной после отмены царем Федором местничества Родословной комиссии (кодифицировавшей знатное происхождение), бледнели перед возможностью ворваться в ненавистный и богатый Крым, изловить в порубежных районах и Диком поле своих беглых, присвоить тысячи четвертей плодородной земли.

Но с запада нависала Речь Посполитая, не смирившаяся с **возвращением Россией своих исконных Смоленских и Киевских земель**. Прошлая **война с Турцией и ее вассалом Крымом** была сорвана предательством Польши — вероломного союзника, заключившего позорный сепаратный мир и грозившего самой России. Тогда, в 1678 г., пришлось дать приказ военачальнику Г. Г. Ромодановскому, в трехдневном сражении разбившему лучшие силы турецкого полководца Кара-Мустафы, покинуть и разрушить Чигирин, мешавший началу мирных переговоров с Турцией и Крымом. В 1682 г. за такое «предательство» Ромодановский был убит стрельцами и солдатами. Зато России удалось без потерь выйти из войны один на один с мощным противником и заключить в 1681 г. **компромиссный Бахчисарайский мир**.

Голицын знал о жгучем желании поляков взять реванш за потерянные земли: даже во время Московского восстания Посольский приказ получал секретнейшие королевские документы о подготовке вторжения в Россию. Но теперь, когда объединенные силы Германской империи, Польши и Венеции с трудом отбивались от турок и татар, когда Кара-Мустафа чуть не взял Вену, а воинственный польский король Ян Собеский едва унес ноги из Молдавии, Россия имела средства заставить Речь Посполитую навечно отказаться от территориальных претензий.

Переговоры были сложны. Споры с польскими послами в Москве в 1684 г. закончились впустую. Но правительство Софьи и Голицына организовало давление на поляков со стороны Германской империи (которой обеспечило временный нейтралитет Франции на Рейне), и даже Римского Папы. На Речь Посполитую стала хмуро смотреть и традиционно союзная ей Франция; отказался от переговоров с поляками Крым...

Ян Собеский и его паны сдались. После бурных переговоров в Москве в 1686 г. был подписан договор о Вечном мире России и Польши, а в 1687 г. в Кракове король, плача, ратифицировал документ о правах России на все отвоеванные ею земли. Одновременно признавалась власть *Киевского митрополита* над православными Польши и Литвы, а тот благодаря хитроумной дипломатической операции на Востоке перешел от Константинопольского патриарха под власть Москвы.⁷

---

⁷ Греков И. Б. «Вечный мир» 1686 г. // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М., 1951. № 2; и др

Регентша и ее окружение

Чтобы до конца понять значение Вечного мира 1686 г., нужно учитывать, что по всем договорам после Воссоединения России и Украины русские цари клятвенно обещали вновь отдать полякам Киев. Закрепление его за Россией было столь знатной победой, что злейшие враги Софьи при дворе не смогли воспрепятствовать официальному признанию ее власти: *отныне имя царевны включалось в царский титул* после имен Ивана и Петра.⁸

Сторонники Софьи добились этого далеко не сразу. Имя Софьи начало появляться в правительственных внутренних документах осенью 1682 г. и употреблялось все чаще в бумагах учреждений, которыми руководил В. В. Голицын. К лету 1683 г. ее влияние упрочилось; царевну признали правительницей придворные панегиристы. Письменные и устные похвалы мудрости и добродетелям Софьи достигли пика к лету 1686 г. — подданные отдавали себе отчет, что именно ее «девственному разуму» обязаны внутренним миром и внешними успехами Российского государства.⁹

Подписав Вечный мир и добившись его ратификации, Россия одновременно стала членом Священного союза с Германской империей, Речью Посполитой и Венецией против Османской империи и Крыма. По условиям договора союзники России в случае решительной победы, не оставляя себя внакладе, отводили ей значительную часть Балканского полуострова, Константинополь и проливы. В 1687 г. Голицын стал главнокомандующим (или, по словам иностранцев, генералиссимусом) российской армии, готовящейся к решительному наступлению на юге. С этого момента, как справедливо заметил французский агент в Москве Фуа де ла Невиль, началось падение канцлера и всего правительства Софьи. И дело было отнюдь не в безуспешности Крымских походов 1687 и 1689 гг., как веками пытались уверить историки, и даже не в росте консервативной оппозиции Софье и Голицыну, хотя она проявила себя весьма круто и в проповедях патриарха, и в Думе, и в армии.

В то время, когда выдающийся русский публицист архимандрит Новоспасского монастыря Игнатий Римский-Корсаков произносил пламенные речи перед полками, уходящими на юг, призывая «мужественных ратоборцев» спасти поработенных турками православных братьев и на крыльях двуглавого орла вернуть крест Христов святой Константинопольской Софии — патриарх Иоаким публично предрекал несчастье русской армии, зараженной присутствием офицеров-иноверцев.¹⁰

---

⁸См. архивную справку, составленную при Екатерине II: Самодержавие царевны Софьи по неизданным документам (из переписки, возбужденной графом Паниным) / Публ. Е. Д. Лермонтовой // Русская старина. 1912. № 2 (отд. оттиск М., 1912).

⁹Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегирики / Публ. А. П. Богданова. М., 1983. Вып. 1–2. Здесь же см. политические речи патриарха и др. Ср.: Богданов А. П. София — Премудрость Божия и царевна Софья Алексеевна. Из истории русской духовной литературы и искусства XVII века // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1994. Вып. 7.

¹⁰ Богданов А. П. «Слово воинству» Игнатия Римского-Корсакова — памятник политической публицистики конца XVII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1984. Подробнее о борьбе идей вокруг Крымских походов см.: он же. От

Нельзя сказать, что патриарх, признанный глава российских «мудроборцев», отвергал все подряд культурные и технические новшества: Русская Православная Церковь предпетровского времени была вовсе не столь консервативна, как это обычно изображают. Если патриарх Никон еще крушил «фряжские иконы» (написанные под влиянием итальянской школы), то при его преемниках западноевропейская живопись прочно утвердилась при царском дворе, «перспективным письмом» расписывались под руководством патриаршего секретаря — известного поэта Кариона Истомина — дворцы светской знати и палаты духовных лиц.

Уже при царе Федоре двор и гражданские служащие облачились в короткое европейское платье (без него, по указу, не допускали в Кремль), а военные привыкли к нему давно — драгуны, например, ходили в коротких кафтанах, шляпах и со шпагами с 1630-х гг. Очень многие стригли на западный манер бороды и усы вразрез с церковной традицией, держали не только певчих для светских вокальных «партесных» концертов, но клавесины, органы и целые инструментальные оркестры. Европейские линейные ноты пришли на смену старинным крюковым тоже в 1670-х гг., а первые русские театры и танцы во дворце появились в недолгие годы счастья царицы Наталии Кирилловны, когда она, воспитанница Артамона Матвеева (женатого на шотландке Гамильтон), нарушив вековую традицию, стала даже появляться перед народом.

В 1680-е гг. новые дворцы знати, их убранство, утварь, кареты, одеяния представителей «верхов» поражали иностранцев роскошью, а не какой-то спецификой. Не все, как В. В. Голицын, владели древними и новыми языками, но увлечение музыкой и литературой приобретало всеобщий характер. Те, кто не мог сочинить достойную произнесения при дворе речь, заказывали стихотворные вирши (вплоть до тостов и надписей на подарках) писателю-профессионалу. Без стихотворной эпитафии не хоронили родных даже купцы и подьячие.

«Зрением и потребством вещей человек веселится!» — провозглашал писавший все выступления патриарха Иоакима Карион Истомин — модный в те времена придворный литератор. И действительно, изящные и технические «художества» наполняли жизнь московского двора при правлении Софьи. Хотя царевна, в отличие от старшего брата Федора, не вникала лично в работу мастеров и изобретателей праздников, она позволила сестрам, теткам и вдовствующим царицам завести собственные дворы, обеспечившие художников всех специальностей массой заказов.

Сохранившиеся документы Российского государственного архива древних актов говорят о соревновании вырвавшихся из терема дам в роскоши и изяществе нарядов, дворцовых убранств, мастерстве их певческих и инструментальных капелл, тщательности подготовки праздничных действий. Заказывавшиеся царевнами латы, оружие и даже боевые знамена свидетельствуют, что царственные девы оказывали внимание не вышедшим из цветущего возраста мужчинам.

До прихода Софьи к власти женская половина царской семьи общалась только с боярынями и женской прислугой, пожилыми родственниками и «старыми боярами» — особенно доверенными мужчинами не первой молодости, ставшими своего рода членами семьи. Явление при царе Федоре среди «комнатных бояр» 33-летнего князя Василия Голицына, элегантного и образованного по высшим европейским меркам, не могло не произвести глубокого впечатления на 20-летнюю Софью.

Сложившийся в борьбе с Московским восстанием политический союз Софьи и Голицына, благодаря которому царевна обрела личную свободу, вполне мог стать и союзом любовным. О последнем после падения правительства регентства ходили сплетни, но единственное письмо царевны, где она, обращаясь к князю как к члену семьи, называет

летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII века. М., 1995. С. 107–198, 380–423.

Голицына «братцем Васенькой», «светом моим» и «батюшкой»,¹¹ было написано во время нежной дружбы Софьи с другим человеком — Федором Леонтьевичем Шакловитым.

Первый был интеллигентным государственным деятелем, второй — смелым политическим дельцом. Оба отличались от фаворитов XVIII в. тем, что сделали карьеру отнюдь не через царевнину постель. Ровесник царевны Софьи, Шакловитый стремительно выдвинулся в Приказе тайных дел царя Алексея (1673–1675) и стал дьяком важнейшего **Разрядного приказа** — своего рода министерства обороны Российского государства. В разгар Московского восстания он стал думным дьяком, а в конце 1683 г. за выдающиеся успехи в «переборе» стрелецких полков был пожалован в думные дворяне.

Именно Шакловитый руководил кадровой политикой правительства регентства, имея исключительное право доклада Боярской думе о штатах и окладах центральных ведомств. Острый ум, мужество и просто д'артаньяновская выносливость Федора Леонтьевича не раз использовались Голицыным в затруднительных положениях. Так что звание ближнего окольничего, полученное летом 1689 г., было небольшой платой **мелкому дворянину Шакловитому** в век, когда такой же **дворянчик Ордин-Нащокин** и **стрелецкий полковник Матвеев** становились боярами и канцлерами, а Дума была запружена выслужившимися из низов штатскими чиновниками и генералами. Если страсть и присутствовала в жизни Софьи (заставляя ее во время любовной связи с Шакловитым украшать свою спальню по его вкусу), она не демонстрировалась при дворе и не проявлялась в государственной деятельности царевны.

Всемогущая на взгляд со стороны правительница России вынуждена была жертвовать своими симпатиями. Так было, например, в 1685 г., когда соученик и тайный советник Софьи Сильвестр Медведев принес ей для реализации утвержденные царем Федором **принципы первого российского университета**. Всесословное учебное заведение, призванное дать России специалистов в различных областях науки и кадры для государственных учреждений, задумывалось как полностью автономное в экономическом, политическом и идейном отношении, по прямому смыслу понятия «свободной мудрости» (его аналогов в России до сих пор не создано). «Мудроборцы» во главе с патриархом призвали не допустить в Россию эту «искру западного зломысленного мудрования» — и Софья отказала Медведеву, предав память брата.

Вместе с проектом Академии была похоронена первая в России независимая от Церкви типография, основанная царем Федором, его проекты епархиальной реформы и системы училищ для детей нищих и сирот. Для искоренения на Руси латыни — языка науки и международных отношений — была закрыта **латинская гимназия Медведева**, замененная «эллино-славянскими схолами» ученых греков Иоанникия и Софрония Лихудов. Сам Голицын вольно или вынужденно покровительствовал **«грекофилам»**, развернувшим злобную травлю Медведева и его друзей-просветителей.¹² Вообще в отношении к Медведеву любопытно раскрывается степень политических компромиссов ведущих деятелей регентства. Софья запретила преследуемому церковными властями Медведеву покидать Москву даже тогда, когда призыв публициста «разсуждати себе» породил обвинение, что тот «хочет наступити и попрайти всю власть, царскую же и церковную, того ради и к людям пишет!». Устранившись от конфликта, она

---

¹¹ Это обычные обращения близких людей к князю, см.: ДАИ. Т. XI–XII; Временник МОИДР. М., 1850. Кн. IV; Грамотки XVII — начала XVIII в. М., 1968; и др.

¹²Подробнее см.: Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М., 1989. Раздел 1. Гл. III. Параграф 3; и др.

показала своему врагу-патриарху, что без помощи светской власти он не может схватить и одного монаха, защищаемого народными толпами.

Финансировавший затею «грекофилов» Голицын передал украинскому духовенству их и просветителей полемические книги, будто бы не ожидая, что ученые украинцы активно выступят в поддержку Медведева, против патриарха. Эта уклончивая осторожность особенно любопытна у человека, открыто отстаивавшего свободу веры для иностранцев в споре со своим другом Игнатием Римским-Корсаковым и врагом Иоакимом, договорившимся до того, что вместе с костелами и кирхами на территории государства следует уничтожить все мечети, и запретившего православным солдатам хоронить своих погибших на войне иноверных товарищей!

Делая ставку на иностранных специалистов, Голицын был тверд, как камень. Именно вести о свободе всякому исповедовать свою веру вели в Россию отличных гражданских и военных мастеров из Западной Европы, раздираемой религиозными сражениями. Поддерживая христианизацию внутри страны, канцлер не мог применять насильственных мер к язычникам, и особенно мусульманам, начиная наступление на Крым и владения Османской империи.

Этот конфликт с «ревнителями благочестия» «старомосковской» или «великорусской» партией дорого стоил личному авторитету Голицына. Дошло до того, что целая группа дворян из влиятельных фамилий явилась на службу в полки в траурной одежде, поддерживая пророчества патриарха о поражении Крымского похода. Но само согласие канцлера возглавить военную кампанию и принять ответственность за осторожность главнокомандующего, которая обычно объявляется трусостью и предательством, свидетельствовало, что князь Василий Васильевич решительно ставит интересы государства выше личных<...>